

ГАЛИНА БАРАНКОВА
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской Академии наук
(Москва, Россия)

Тематическая и стилистическая близость молитв Кирилла Туровского его нарративным и риторическим сочинениям¹

Thematic and stylistic closeness of prayers of Cyril of Turov to his narrative and rhetorical compositions

ABSTRACT: The article conducted a comparative study of prayers, words and narrative works of Cyril of Turov. The handwritten cycles of prayers of Cyril of the XIII-XVII centuries and their editions are briefly described. There is a necessity to take into account when further classifying the copies of the full cycle of prayers, the manuscript from the collection of the Russian National Library of the OSRK F.п.1.1, XIVth c. The article concludes about the commonality of themes, images and stylistics of various genre works of Kirill Turovsky and notes the special closeness of prayers to his rhetorical works.

KEYWORDS: prayer copy style comparative analysis

Молитвословие составляет одну из самых важных сторон творческого наследия Кирилла Туровского. Наряду с его нарративными произведениями (Притчей о душе и теле – далее Притча, Повестью о беспечном царе и его мудром советнике – далее Повесть, Сказанием о черноризском чине) и торжественными Словами они составляют золотой фонд книжного наследия домонгольского периода. По мнению исследователей, основанному прежде всего на рукописной традиции, Кириллу Туровскому приписывается седмичный цикл молитв (по три молитвы на каждый день после служб утрени, часов и вечерни). Молитвы Кирилла были широко распространены на Руси, что подтверждается большим числом их списков. Самым ранним из них является цикл молитв, содержащийся

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00127а «Творческое наследие древнерусского писателя XII в. Кирилла Туровского: повествовательные произведения и ораторская проза».

в сборнике XIII в., хранящийся в Ярославском музее-заповеднике № 15481 (далее Яр). Молитвы по этому списку были опубликованы Е. Б. Рогачевской (ее издание не является лингвистическим) [Рогачевская 1999: 177-191], в 2016 г. они были изданы В. В. Колесовым [Колесов 2016: 236-266] с сохранением орфографии оригинала, однако оба издания не свободны от ошибок и опечаток. Рогачевская указала на 28 списков, содержащих 21 молитву Кирилла и сокращенный цикл его молитв, включающий в себя только утренние молитвы. При этом в Ярославском списке молитвы Кирилла помещались не подряд, а в соответствии с изложением чинов богослужения. В нем сначала переписаны часовые молитвы на каждый день, а потом вечерние.

Как отмечала в своем исследовании Е. Б. Рогачевская, все молитвы Кирилла делятся на 3 группы: на полный седмичный цикл молитвословий, связанный с чином богослужения, сокращенный цикл, состоящий только из утренних молитв, и молитвы, входящие в сборники [Рогачевская 1999: 17]. Старшим списком седмичных молитв следует считать не учтенный в издании Рогачевской список втор. пол. XIV в., содержащийся в Псалтыри с воследованием РНБ, Ф.п.1.1 (лл. 280-343об.) [Турилов (ред.) 2002: 577-578], ранее ошибочно датированный XIII в. [Жуковская (ред.) 1984: 274]. Текст обрывается на молитве в пятницу по заутрени. Седмичные молитвы в этом сборнике приписаны Кириллу Иерусалимскому, чем и объясняется, по-видимому, тот факт, что он не привлекался в работе Рогачевской. Старший Ярославский список был, очевидно, также полным циклом, но его первая часть, где содержались утренние молитвы, утрачена.

21 молитва (т.е. полный цикл молитв Кирилла Туровского) содержится в ряде старопечатных изданий, старшим из которых является сборник Молитвы повседневные (Вильно, тип. Братская 1596: 1621, 1626, 1635; Вильно, тип. Мамоничей, 1601, Евье. тип. Братская, 1611, Кутейн, тип. Спиридона Соболя, 1631) и др. [Рогачевская 1999: 21]. Как можно видеть из этого списка, особый интерес вызывали молитвы Кирилла в юго-западной Руси. Не меньшей популярностью пользовались молитвы Кирилла на славянском юге. Так С. Николова называет более 30 болгарских и сербских списков молитв Туровского епископа, относящихся к XVI-XVII вв. [Николова 1988: 45]. При этом остальные произведения Кирилла не получили в южнославянской письменности такого распространения, как молитвы, там известны были лишь Слово на Вознесение, включаемое в Учительное Евангелие, и Повесть о беспечном царе и его мудром советнике (сохранилась в единственном сербском списке XIII в. попа Драгола и болгарском списке XIV в., РГАДА, собр. Мазурина № 1700).

Большое внимание к творчеству Кирилла Туровского проявляли книжники Иосифо-Волоколамского монастыря, составлявшие сборники с произведениями Кирилла, в том числе с его молитвами (РГБ, ф. 113, № 299, № 405, № 583), проводившие редактирование текста и языка его сочинений [Баранкова 2011]. Молитвы Кирилла Туровского продолжали переписываться и редактироваться в XVIII и XIX веках, при этом заслуживает особого рассмотрения традиция копирования в этот период молитв в Оптиной пустыни.

Интересна, хотя и не бесспорна, градация произведений Кирилла Туровского, данная митрополитом Макарием, ставившим на первое место среди его творений молитвы:

В проповедях святит. Кирилла преобладает воображение и духовная поэзия, в статьях, обращенных к инокам, виднее мысль, под сильным, однако ж, влиянием воображения и фантазии, молитвы и канон проникнуты живым христианским чувством. По самому изложению в первых более витиеватости, искусственности, ригоризма, во вторых все эти недостатки заметно ослабевают, третьи почти везде запечатлены естественностью и простотою. И кажется, не будет несправедливым, если на высшем месте по достоинству поставим молитвы свят. Кирилла, на среднем статьи его к инокам и на низшем – его церковные поучения [Макарий 1883: 67].

Согласно исследованиям, посвященным молитвам Кирилла, и по своей структуре и содержательно они находятся в русле христианской гимнографической традиции. В них представлены возгласы славословия, покаяния и прошения. Вместе с тем в них почти нет места благодарственным мотивам. Все молитвы основаны на образно-символическом осмыслении библейской истории, их отличает глубина богословской мысли. Интересно, что почти все утренние молитвы Кирилла велики по объему, тогда как дошедшие до нас ранние древнерусские молитвы из Жития Феодосия Печерского или Сказания о Борисе и Глебе достаточно кратки. Характерной особенностью молитв Туровского епископа является их выраженная эмоциональность, которая достигается за счет хорошо продуманной структуры и мастерски используемых стилистических средств.

Среди этих художественных приемов отметим амплификацию, синтаксический параллелизм, антитезы, анафорические повторы, риторические вопрошания и восклицания. Приемы амплификации особенно ярко проявляются в славословиях, например, в обращении к Богородице:

вдовица(м) и сирота(м) питательнице, матере(м) тихое веселие, д[ѣ]ва(м) ч[и]стота и похваление, младенца(м) мудрость и наказаніе, плавающи(м) невлаемое (так в ркп!) пристанище, путника(м) легкое прехож(д)ение тружajúщи(м)ся бл[а]гое покоище, нищи(м) неизготоваемое богатство, вбидимы(м) покрове и прибѣжище, печалны(м) пр[и](с)наа оутѣха, грѣшны(м) ко Б[о]гу присвоение, христьяно(м) всѣ(м) неложнаа хранительнице, миру всѣму извѣстое сп[а](с)[е]ніе (Вол-405, л. 81).

Использование антитезы придает драматизм речи кающегося грешника:

оутверди оуды телесе, моего же раслабихъ грѣхомъ, оукрѣпи д[оу]шю мою колѣблющюся нечаяниємъ... и просвѣти ми оумъ. иже вмрачихъса зълымъ похотѣниємъ (Яр, л. 168а-б).

Выраженный личностный характер молитвы достигается за счет использования местоимений и глаголов 1 л. ед. ч. Эмоциональному восприятию содействуют местами ритмически организованная проза, ср.: «мучеником крепкое утверждение, святительское изрядное украшение, [...] верным всем твердое ограждение и сущим в болезнях легкое исцеление» и т.п. Следует, однако, отметить, что перечисленные художественные особенности молитв, равно как и их содержательная сторона, очень близки повествовательным и особенно риторическим произведениям Кирилла. Сопоставительный анализ молитв с остальными произведениями Туровского епископа позволяет в наиболее полной форме раскрыть авторские особенности стиля Кирилла, тем более что именно в его молитвах лучше всего раскрывается авторское начало, присущий их автору лиризм и эмоциональный накал.

В конце своих Слов Кирилл иногда вставлял молитвы, хотя обычные для него концовки Слов, содержащих славословия, например, в конце Слова о слепце содержится похвала человеку, прозревшему не только телесно, но и духовно и ставшему проводником Сына Божия на земле. В Слове о снятии тела Христова с креста Кирилл молитвенно обращается к Иосифу:

Подажь, с[вя]те, всѣмъ намъ твою помощь, буди покрывъ граду нашему ѿ всакого зла, подавая князю на противныя побѣду, и заступаи его ѿ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ, миръ же глѹбокъ и сдравие телеси, коупно же и д[у]ши его проси спасения. И насъ избави ѿ всякоя нѹжа, и печали и беды и всѣхъ лютыхъ напасти и многихъ греховъ отпусти испроси своими къ Б[ог]оу м[о]литвами, да избавить ны ѿ бесконьныя муки и причастники сътворитъ будоущая жизни, Бл[а]г[о](д)атию и ч[е]л[о]в[ѣ]колюбиемъ Г[о]с[под]а Б[ог]а и Сп[а]са нашего І[с]у[с]а Х[ри]ст[а], юмоуже слава с ѿт[ц]емъ и съ пр[е]с[вя]тымъ и бл[а]гымъ и животворящимъ д[у]хомъ (F.I.39, л. 15об.-16).

Эта молитва отличается от других, представленных в Словах Кирилла: во-первых, она самая большая по величине, во-вторых, в ней Кирилл молитвенно просит за своего князя и свой град. Отголосок этой просьбы можно видеть в молитвенном обращении в Слове на собор 318 св. отцов:

О бл[а]жении с[ва]т[ите]ли, [...] бл[а]говѣрнымъ княземъ нашимъ сдравие телесомъ и д[у]шевнаго просите сп[а]сения и за вса кр[ь](с)тяныя прилѣжно Х[ри]ст[а] оу помолитисѧ (F.I.39, л. 44).

Та же тема присутствует в субботней молитве по заутрени:

Помани, Г[о]споди ц[р]и и князи православныя помилоуи, Г[о]споди, князѧ нашего о здравіи и сп[а]сеніи, дрѣжавѧ его миромъ огради и на сжпостаты оукрѣпи его и землю оугобзи и люди въ бл[а]гочестіи оумножи, плѣнныя възврати въ своа си (Вол-299, л. 121об.)

Краткая молитва содержащаяся в конце Слова о расслабленном, традиционна и обращена к Христу:

не помани первы(х) безаконии нашихъ и нынѣшна(ѣ) вч[и](с)ти сгрѣшенья, ты бо
ѣси Б[ог]ъ н[е]б[е]с[н]ыхъ и земныхъ, ч[е]л[о]в[ѣ]чьскыи зижителю, англ(с)кыи
вл[а](д)ко, хѣровимьскыи сдѣтелю серафимьскыи украсителю, помилуй на(с) на тл
уповаючи(х), да сп[а](с)[е]ни тобою славим тл съ в[т]ц[е]мь и с[в]а[т]ы[и]мь д[у]
х[о]мь и ны(н) и присно (Ув-589, л. 263-263об.)

Молитвы и остальные произведения Кирилла объединяет наличие общих образов и тем. Интересно, что из русских святых Кирилл отмечает только Феодосия Печерского. Так, в Молитве в субботу по утрени² он обращается к Феодосию Печерскому, давая ему такое определение: «и св[я]таго преподобнаго отца нашего Феодосия всеа Руси свѣтилника, обѣщавашагося за насъ слово отдати на страшнѣмь твое(м) сждѣ» Вол-299, л. 123 . В Повести о беспечном царе также содержится упоминание о Феодосии, причем оно различается по редакциям от более краткого до расширенного (приводим его расширенный вариант):

и се явѣ есть ѿ Феодосѣя Печерьска(г) игумена, иже в Киевѣ, понеже нелицѣмѣрно
мнишествова, възлюбѣ Б[ог]а и братью яко своя оуды, тѣмъже и Б[ог]ъ възлюбѣ и и
мѣсто е(г) рад(д) прослави па(ч) всѣ(х) иже в Руси монастыревѣ (Пог-796, л. 313).

В молитве в понедельник по заутрени можно видеть переключку со Словом на Вознесение, где почти в одних и тех же выражениях живописуются ангельские и архангельские силы, предстоящие Христу. В молитве во вторник по заутрени тот же мотив радости на небесах, что и в Слове на Вознесение и в Слове в неделю Цветоносную:

тогда праведници возрадуются, пр[е]п[од]обнии веселатся, д[ѣ]вственици
величатся, ап[остол]ы во вблаци(х) восхищаются, пр(о)роци прославляют-
ся (Вол-405, л. 69об.-70).

В молитвах, как и в других своих произведениях, Кирилл остается богословом и проповедником. В молитве во вторник по часех, он кратко обрисовывает картину строения мира, созданного на потребу человека. Это объединяет ее с Словом о расслабленном и особенно с Притчей.

Одной из тем, важной для всего творчества Кирилла, является тема духовной пищи. Так, в молитве во вторник по часех Кирилл восклицает: «ти не може(т) бо ми престати д[у]ша требующи питатисл твоими словесы» Вол-405,

² По мнению Рогачевской, вторая часть этой молитвы может не полностью принадлежать Кириллу Туровскому, однако это положение требует, на наш взгляд, дополнительного текстологического исследования и более детального обоснования. Вопрос осложняется тем, что в старших списках Яр, Ф.п.1.1 эта молитва отсутствует.

л. 74об., а в Притче он говорит: «пища не брашно єдино ре(ч)[е]тъся, но слово б[ож]иє, имже питаєтьсѧ тварь» Чуд-20, л. 288в. Пища, которую расслабленный в одноименном Слове Кирилла не может принимать из-за своей немощи (грехов) не просто еда, это слова Священного Писания, которые он по своему неведению не хочет принять.

Интерес к аллегорическому толкованию антропологической проблематики отразился в разных произведениях Кирилла, представлен он и в молитвословиях, где Кирилл постоянно сетует на нечистоту своих телесных удов и особенно органов чувств, которые он просит очистить от скверны: «вса чювьствїа моѧ душевнаѧ и телеснаѧ скверни(х)» Вол-405, л. 85, не загвориши ушию бл[а]гоутробиѧ твоего, ни призри двиганїѧ нечистою ми оустнѧ [...] расторгни оуды моѧ, возврати мѧ ѿ плененїѧ вражїѧ» Вол-405 л. 79об.-80, – постоянно восклицает он. Но наиболее ярко греховный характер человеческого тела с его плотскими страстями изображен Кириллом в Повести о беспечном царе и его мудром советнике, где царь – это ум, владеющий всем телом и повелевающий своими подданными – чувствами (зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием и «нижней теплоты свирепством»). Все они живут в граде, который символически толкуется Кириллом как состав человеческого тела. Его жители приносят царю-уму только телесные удовольствия и не дают задуматься о скоротечности жизни и ее назначении:

ц[а]рь же е(с)[т]ь оумъ, вбладаѧи всѧ(м) тѧло(м) [...] ѿ слышанїѧ бо добра выситсѧ, а ѿ зла матетсѧ, вчима (ж) поха(т) створить, вбонанїю желание исполнить, оустомъ (ж) вбѧденїе дае(т), а рукама несетьство брание богатству творить, с тѧми и нижнаго сверепства свръшае(т) похо(т) (Син-935, л. 73-73 об.)

Кирилл подчеркивает в Повести плотский характер чувств, приводящий к духовной гибели человека. Этому восприятию близка молитва Кирилла во вторник по вечерни, где также перечисляются органы чувств, приносящие только плотские желания:

с[ъ]рдце втагъчихъ многоядениємъ, и д[оу]шю вмрачихъ нем[и]л[о]с[ъ]рдинємъ, и тѧло ослабихъ лѧностию, нозѧ притъкнуохъ в камень сластолюбия, оуши ѿверзохъ на слышанїе маловременна похвалы, лице моѧ бестоудїємъ повлекохъ, смрадъ дѧль моихъ ноздри мои вбонаста (Яр, л. 179б-180а).

Если в Повести важное место занимает тема ратного оружия, которое не любил держать царь и которое аллегорически изображает пост, молитву, чистоту телесную, то в той же молитве во вторник по вечерни Кирилл восклицает, что не имеет постного оружия на ратника дьявола.

Нельзя не заметить общности евангельских образов, к которым писатель обращается как в молитвах, так и в других своих произведениях. Одним из них является расслабленный, появляющийся не только в молитвословиях, но и в дру-

гих произведениях Кирилла. В Слове о расслабленном, сюжетную основу которого составляет евангельское чтение Ио. 5: 1-15, лежащий без движения расслабленный не просто больной, это человек, расслабленный многочисленными грехами, лежавший на одре 38 лет, которого излечил врач-Христос с наказом более не грешить. К этому образу Кирилл в своих молитвословиях обращался не раз. В молитве в субботу по часех Кирилл, прося Бога простить его прегрешения, вспоминает расслабленного:

вѣде бо твоє ч[е]л[о]в[ѣ]колюбие, аще хоцещи, можеши мѧ вч[и] (с)тити, понеже расслабленаго, много ѣгоже въ соу(б)[о]ту стропомъ низъ свѣшьше с великою вѣрою предъ тобою положиша и того словомъ вѣставивъ. и грѣхы отпустивъ (Яр. л. 107а).

К тому же образу он обращается в Молитве во вторникъ по утрени, и в этой молитве можно видеть прямую перекличку со Словом о расслабленном Кирилла, где одним из рефренов, на котором строится весь диалог расслабленного с Христом, жалующегося, что нет человека, который помог ему исцелиться, является фраза: «человека не имамъ». Поначалу, как и в евангельском тексте, в Слове Кирилла расслабленный говорит о себе:

еи, Г[о] (с) [под]и, хотѣлъ быхъ но не ѣмоу ч[е]л[о]в[ѣ]ка да бы по възмущении анг[е]л[о]вѣ вѣверглъ бы мѧ в купель [...] не имѣю же ни имѣнья да быхъ си единого умздиль в мнѣ пекушасѧ ч[е]л[о]в[ѣ]ка [...] не ѣма(м) ч[е]л[о]в[ѣ]ка аже бы не гнушасѧ послужилъ мнѣ [...] Господи, ч[е]л[о]в[ѣ]ка не ѣмамъ вѣрна к Богу (Ув-589, л. 259-259об.)

Эту фразу подхватывает в диалоге Христос:

Что гл[агол]еши ч[е]л[о]в[ѣ]ка не ѣма(м)? Азь тебе ра(д) ч[е]л[о]в[ѣ]къ быхъ щедръ и м[и]л[о] (с) тивъ [...] кто ѣнь мене вѣрни ѣе служиѧ тебѣ (Ув-589, л. 259об.-260).

В молитве во вторник по заутрени Кирилл восклицает: «не гл[агол]ю, яко расслабленныи, ч[е]л[о]в[ѣ]ка не имамъ, ты бо еси С[ы]нъ ч[е]л[о]в[ѣ]чъскъ, мене ради плотію вблещасѧ» Вол-299, л. 99., ср. тот же мотив в Слове: «тебе ра(д) бесплоте(н) сы плотью обложихся, да всѣхъ д[у]ш[е]вныи и телесныи недугы исцелю» Ув-589, л. 260. Если в Слове о расслабленном главный герой осознавал, что его болезнь связана с тем, что он «злѣ расточихъ даемо в рай богатство», то в молитве в субботу по часех Кирилл говорит, что «оукрадено ми бы д[оу]ховноє ми б[ог]атство» Яр, л. 106б.

И в Словах, и в молитвах Кирилл использует одни и те же аллегории. Так, в Слове о расслабленном приводится изображение церкви как гостиницы, а Ветхого и Нового завета как двух сребреников, данных священникам за спасение грешников по возвращении Спасителя: «внесохъ въ гостиньницу в с[в]ятую ц[е]рк[о]вь, дахъ два сребреника гостиньнику Новыи и Вехии законъ с[в]ят[и]те[л]емъ» Ув-589, л. 262об. Здесь же Христос определяется как «благыи врачъ».

В молитве во вторник по утрени Кирилла содержится то же аллегорическое изображение Церкви: «и принеси ма в гостинницу въ с[вя]тѣю ти ц[е]рк[о]вь, [...], где дается исцеление «болящимъ грѣхы», а Христос предстает одновременно и как гостинник и как врач: «ты яко гостилникъ (так в ркп!) и врач прилежи мнѣ» Вол-299, л. 99об.

Во всех своих произведениях Кирилл широко использует библейские цитаты и аллюзии. Они повторяются и в молитвах, и в ораторской, и в повествовательной прозе. Однако если в Притче и повести их функция в основном состоит в подтверждении толкований, даваемых писателем, то в молитвах аллюзии и ссылки на Священное Писание, соотнесенность с библейскими событиями служат обоснованием просительной части молитвы, примером для спасения грешников, ср. в молитве в пяток по утрени:

и того ради покааніиа вбразы исперва на всѣ(х) показа, Иезекѣю ѿ см[е]рти къ животу възврати, Манасію ѿ оузы избави, Ивнѣ из чрева китова исторже ѿ ниневгитаны сп[а]се, Петра же верховника ап[о]ст[ол]омъ показа, не поносивъ ему ѿмѣтания (Вол-299, лл. 114об.-115).

Слова и молитвы драматичны, но если в Словах драматизм создается в основном за счет введения диалогов, монологов и плачей (особенно в этом отношении выделяются Слово о снятии тела Христова с креста и Слово о расслабленном), то в молитве он достигается путем трагического противопоставления кающегося грешника, его горестных восклицаниях о несовершенстве человеческой (и собственной природы) и всемогущего Бога, восхваляемого автором молитвы как творца всего сущего, на прощение которого уповает кающийся грешник.

Подводя итоги сравнительного анализа произведений Кирилла Туровского, нужно отметить особую близость молитв его риторическим сочинениям – не только в плане общности тем и излюбленных образов, но и в отборе соответствующих языковых средств, что особенно наглядно проявляется в славословиях молитв и в похвальных Словах.

Список источников и их сокращений

- Вол-405 – РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 405, XVI в.
 Вол-299 – РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 405, XVI в.
 Пог-796 – РНБ, собр. Погодина, № 796, XV в.
 Син-935 – ГИМ, собр. Синодальное, № 935, XVI в.
 Ув-589 – ГИМ, собр. Уварова, № 589, XIV в.
 Чуд-20 – ГИМ, собр. Чудовское, № 20, XIV в.
 Яр – Ярославский музей-заповедник, № 15481, XIII в.
 F.I.39 – РНБ, ОСПК Ф.п. I.39, XIII в.

Библиография / References

- Баранкова 2011: Barankova, G. S. (2011), *Sočineniâ Kirilla Turovskogo v sobranii Iosifovo-Volokolamskogo monastyrà*, [v:] *Drevnââ Rus'*. *Voprosy medievistiki*. Nr 1(43), s. 61-75. [Баранкова, Г. С. (2011), *Сочинения Кирилла Туровского в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря*. Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 1 (43), с. 61-75]
- Жуковская 1984: Žukovskaâ, L. P (red.) (1984), *Svodnyj katalog slavâno-russkikh rukopisnyh knig, hranâšihsâ v SSSR. XI-XIII vv.* Moskva: Izdatel'stvo Nauka [Жуковская, Л. П (ред.) (1984), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв.* Москва: Издательство «Наука»].
- Колесов 2018: Kolesov, V. V. (2018), *Molitvy Kirilla Turovskogo (drevnerusskij tekst, perevod V. V. Kolesova)*, [v:] *Drevnââ Rus' vo vremeni, v ličnostâh, v ideâh. Al'manah*. Nr 6, s. 236-266 [Колесов, В. В. 2018. Молитвы Кирилла Туровского (древнерусский текст, перевод В. В. Колесова), [в:] *Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях*. Альманах. № 6, с. 236-266].
- Макарий (Булгаков) 1883: Makarij (Bulgakov) (1883), *Istoriâ russkoj cerkvi*. Том 3. Čast' 4. Sankt-Peterburg. 1883. Reprint 1994. Moskva: Izdatel'stvo Spaso-Preobraženskogo Valaamskogo monastyrà [Макарий (Булгаков) (1883), *История русской церкви*. Том 3. Часть 4. Санкт-Петербург 1883. Репринт 1994. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря].
- Николова 1988: Nikolova, S. (1988), *Kiril Turovski i ũžnoslavânskata knižnina*. II. Kiril Turovski v ũžnoslavânskata rŕkopisna tradiciâ, [v:] *Palaeobulgarica*. Nr XII (3), s. 38-51 [Николова, С. (1988) *Кирил Туровски и южнославянската книжнина*. II. Кирил Туровски в южнославянската ръкописна традиция, [в:] *Palaeobulgarica*. Nr XII (3), с. 38-51].
- Рогачевская 1999: Rogaçevskaâ E. B. (1999), *Cikl molitv Kirilla Turovskogo. Teksty i issledovaniâ*. Moskva: Izdatel'stvo Âzyki russkoj kul'tury [Рогачевская, Е. Б. (1999), *Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования*. Москва: Издательство Языки русской культуры].
- Турилов 2002: Turilov, A. A. (red.) (2002), *Svodnyj katalog slavâno-russkikh rukopisnyh knig, hranâšihsâ v Rossii, stranah SNG i Baltii. XIV vek*. Moskva: Izdatel'stvo Indrik [Турилов, А. А. (ред.) (2002), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век*. Москва: Издательство Индрик].